

Ж.З. Тагаров

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Изучение истории экономической науки, как, впрочем, истории развития любой отрасли знаний, крайне увлекательное занятие. Оно позволяет окунуться в пучину противоборствующих мнений, стать свидетелем научных озарений, приоткрыть покров диалектики развития человеческой мысли.

Вместе с тем, погружаясь в прошлое экономической мысли, исследователь преследует и чисто утилитарные цели познания современности.

Й.А. Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» подчеркивал, что состояние любой науки в данный момент времени в скрытом виде содержит ее историю и не может быть удовлетворительно изложено, если это скрытое присутствие не сделать открытым¹.

Каждый, приступив к изучению современной экономической теории, убедится в справедливости данного утверждения хотя бы по обилию в серьезных исследованиях ссылок на работы и идеи экономистов прошлого.

История, по нашему убеждению, проявляется, прежде всего, в такой особенности современного этапа развития мировой экономической мысли, как множественность ее направлений.

Дело в том, что в отличие, скажем, от естественных наук, экономическая наука обладает принципиально иной логикой развития. Если естественные науки имеют дело с неизменным предметом исследования и, следовательно, существует возможность постоянного расширения и углубления знаний о реальном мире, то экономическая наука обращается к очень изменчивому и динамичному объекту — обществу. Поэтому понятие прямолинейного прогресса не применимо к развитию экономической мысли. Концепция, адекватно отражавшая современные ей экономические реалии, через некоторое время может стать несов-

местимой с новой хозяйственной ситуацией. На смену ей появляется новая научная парадигма, владея умами ученых до тех пор, пока грядущие сдвиги в хозяйственной жизни не предопределят поиск следующей. Отсюда вытекает дискретный характер развития экономической науки, означающий, между прочим, что старая концепция не поглощается полностью новой, а сохраняется в арсенале науки до лучших времен. Под «лучшими временами» следует понимать такую ситуацию, когда общество на новом витке своего развития оказывается в условиях, идентичных тем, что были в момент формирования старой парадигмы. В этой связи современная структура мировой экономической науки может рассматриваться как прямое отражение сложного и противоречивого процесса ее становления.

Поэтому глубокое освоение экономической теории невозможно без изучения основных этапов ее эволюции, что придает особый смысл любым попыткам совместить позитивный теоретический анализ с историческим видением проблемы.

Последуем совету Шумпетера, утверждающего, что «полезно иногда заглядывать в чулан, если, разумеется, там слишком долго не задерживаться», и бросим ретроспективный взгляд на многовековой путь развития экономической науки.

Поиски истоков современных экономических знаний могут увести исследователя в очень далекую эпоху образования первых сложно организованных обществ на Древнем Востоке. Действительно, данное время, и, как более поздние периоды античности и средневековья, вызвало к жизни очень разнообразную в жанровом отношении литературу, содержащую элементы экономического мышления. Это и работы религиозного характера, и трактаты о государственном управлении, правовые документы и чисто литературные произведения. Но парадокс состоит в том, что уровень развития экономической мысли в ту эпоху оказался явно не адекватен вершинным достижениям в области литературы и искусства, высокому уровню философских обобщений, правовых знаний, прогрессирующей эволюции естественных наук. Экономическая наука вплоть до XVI века, эпохи генезиса рыночно-капиталистических отношений, не смогла достичь независимого статуса. Писателям редко удавалось выходить за пределы обыденного эмпирического знания

и достигать известных обобщений по поводу закономерностей хозяйственной жизни.

Пытаясь объяснить причины «запаздывания» развития экономической науки по сравнению с другими отраслями человеческого знания. Й.А. Шумпетер отмечал, что в отличие от природы, таящей секреты, в которые увлекательно проникать, экономическая жизнь представляет собой совокупность наиболее обыденных и скучных явлений. Поэтому для того, чтобы экономические вопросы возбудили собственно научное любопытство, должно пройти гораздо больше времени, чем в случае с явлениями природы².

Но такое объяснение вряд ли способно исчерпать всю проблему. Думается, что прогресс экономической науки был невозможен, прежде всего, вследствие традиционного, вне рыночного характера экономики той эпохи. В силу исключительной роли внеэкономических факторов в хозяйственной жизни, экономическая деятельность людей зависела от слишком большого количества случайных моментов, не позволяющих выявить какую-либо систему в ее развитии. Преимущественно натуральный характер экономики мешал ее восприятию как единого целого, тем более, осмыслению ее внутренних функциональных зависимостей.

Только рынок, с его тенденцией к унификации экономических процессов и повышению интенсивности хозяйственных контактов между людьми, мог создать предпосылки для анализа закономерных явлений, наиболее устойчивых функциональных зависимостей и тем самым для утверждения экономической науки в качестве самостоятельной сферы интеллектуальной деятельности.

Первая, собственно экономическая научная парадигма сформировалась в условиях разложения традиционного экономического уклада и становления новых рыночных отношений в западной Европе XVI–XVII вв. Объединенные общим термином «меркантилизм», экономические представления той эпохи могут быть адекватно поняты лишь в конкретно-историческом контексте. Во-первых, исключительное значение, придававшееся меркантилистами денежной форме богатства, было связано с процессом первоначального накопления капитала, захватившим Европу в рассматриваемый период. Во-вторых, отличающий

меркантилистов интерес к сфере обращения, как к источнику богатства, объясним тем обстоятельством, что торговля и ростовщичество в XV–XVII вв. оставались преимущественными сферами приложения капиталов. В-третьих, предлагаемая им политика государственного регулирования экономики (протекционизм) свидетельствует лишь о том, что спонтанное, самопроизвольное вхождение в рынок невозможно. Государственное вмешательство в экономику было в то время неизбежно в силу первородной слабости рынка, требовавшего внешней поддержки. Наконец, XVI–XVII вв. — это эпоха формирования национальных рынков, что не могло не предопределить национально ограниченного характера меркантилистской системы. Добиваясь увеличения количества золота и серебра в стране через политику денежного, а затем активного торгового баланса, меркантилисты не строили иллюзий насчет действительных возможностей сферы обращения породить богатство. Они понимали, что рост национального богатства означает обеднение внешнеторгового партнера, отдавая себе отчет в своем стремлении к относительному могуществу.

Обладая набором столь экстравагантных идей, меркантилисты не могли не подвергнуться жестокой критике со стороны последующих теоретических систем. При этом в потоке негативных оценок оказалась незамеченной одна важная особенность меркантилистской системы, оцененная впоследствии лишь Дж.М. Кейнсом. Активный торговый баланс и увеличение вследствие этого денежной массы в стране может рассматриваться не только в качестве цели меркантилистской политики, но и как средство макроэкономического воздействия на уровень внутренних инвестиций. Так, подчеркивал Кейнс, в то время забота государственной власти о поддержании активного торгового баланса служила сразу двум целям. С одной стороны, меры, принимавшиеся в целях увеличения активного сальдо торгового баланса, были единственным прямым средством в распоряжении государства для увеличения заграничных инвестиций. В то же время, продолжал он, влияние активного торгового баланса на приток драгоценных металлов было единственным косвенным средством понижения внутренней нормы процента и, следовательно, усиления побуждения к внутренним инвестициям³.

Таким образом, целесообразность меркантилистской системы для эпохи зарождения западноевропейского рынка не вызывает сомнений. Но это означает и то, что в дальнейшем более высокая степень зрелости рыночных отношений должна была породить принципиально иную научную парадигму, что и произошло в XVIII–XIX вв. Она получила название классической школы.

Классическая школа господствовала в экономической науке с середины XVIII в. до 70-х годов XIX в.⁴ Ее развитие связано с именами физиократов Ф. Кенэ и Ж. Тюрго, а также Адама Смита, Давида Рикардо, Ж.Б. Сэя, Джеймса Милля, Дж.Ст. Милля и др.

Несмотря на многообразие подходов, специфику решаемых каждым экономистом теоретических задач, их идеи характеризуются рядом общих особенностей, что позволяет говорить о существовании в то время единой научной парадигмы.

Во-первых, классическую школу отличает чрезвычайная абстрактность теоретических построений, оторванность от потребностей реальной практики. Приступив к анализу экономических проблем с естественнонаучных позиций, представители классической школы попытались свести сложнейший поток хозяйственной жизни к системе абстрактных объективных экономических законов.

Во-вторых, для классической школы был характерен объективистский подход к экономическим явлениям. Переноса представления об объективных природных законах на общество, экономисты решающее значение придавали внеличностным «объективным» факторам и силам, игнорируя субъективную мотивировку экономического поведения индивидов⁵.

В-третьих, представители классической школы в отличие от меркантилистов, выступали за максимальное ограничение государственного вмешательства в экономику. Только рыночный механизм саморегулирования, свободная конкуренция, подчеркивали они, способны обеспечить наиболее рациональное использование всех ресурсов общества.

Наконец, характерной чертой классической теории являлась затратная концепция ценности. В представлении классиков, товар, еще не подвергнувшись рыночной оценке, уже обладал объективной стоимостью, величина которой определялась затратами или труда (Д. Рикардо), или факторов производства

(Ж.Б. Сэй), или издержками (Дж. Милль). С одной стороны, затратный подход, присущий классической школе, вытекал из отмеченной выше объективистской интерпретации экономических явлений. Субъективные оценки потребителей и, следовательно, полезность, не могли выступать, в построениях классиков, в качестве решающего фактора ценности. С другой стороны, в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. экономисты просто не могли обратиться к закономерностям спроса в силу сохранения мешающих свободному развитию товарных отношений рудиментов феодального порядка. Различного рода регламентации, ограничения, монополии, при относительной разряженности рыночного пространства, создавали благоприятную почву для доминирования предложения на рынке товаров при пассивной роли спроса и, отсюда, перекладывания затрат на цену.

Кризис классической школы наступил в середине XIX в. и был связан с целым комплексом причин теоретического и социально-экономического порядка.

Во-первых, середина XIX в. ознаменовалась завершением в передовых странах формирования основных институтов свободного рынка. В этой обстановке практические потребности буржуазии переместились на проблемы рационального хозяйствования в новых условиях. Соответственно, перед экономической теорией встала как наиболее актуальная задача кратко- и среднесрочного микроэкономического прогноза, решение которой оказалось невыполнимым без анализа закономерностей спроса. Понимание необходимости исследования явлений субъективно-психологического характера и синтеза субъективных и объективных факторов в анализе конкретного рынка предопределило маржиналистскую революцию в экономической науке, которая произошла в 70-е годы XIX в.

Во-вторых, в качестве источника и, в то же время, проявление кризиса классической школы можно рассматривать такой феномен общественной мысли середины XIX в. как экономическую теорию К. Маркса. Как показали последующие исследования, в условиях равновесия спроса и предложения и полной мобильности ресурсов при совершенной конкуренции исчезает не только прибавочная стоимость, но и прибыль (сверх необходимого вознаграждения за управленческий труд). Источником

последней могут служить либо ситуация неравновесия, либо нарушение условий совершенной конкуренции.

Однако в период создания марксистской экономической доктрины господствовавшая тогда классическая парадигма с ее затратной теорией ценности оказалась не способной объяснить существующую в повседневной жизни эксплуатацию. Это предопределило успех марксовой теории эксплуатации, доказывающей, что она внутренне присуща рынку и не может быть результатом нарушений рыночного равновесия.

В-третьих, классическая школа закономерно была продуктом английской цивилизации, первой совершившей рывок к подлинному рынку. Но к середине XIX в. рыночно-капиталистические отношения утверждаются в ряде новых стран, что не могло не поставить перед экономистами ряд новых проблем. Например, немецкие экономисты отмечали, что сформировавшиеся в различных странах экономические институты отличаются друг от друга, и следует ожидать, что принципы и критерии, которые используются для объяснения развития экономики в этих странах, не совпадут с соответствующими принципами и критериями, относящимися к Англии. Так, в поисках иных, нежели на родине классической школы аргументов экономического процветания, зарождался принципиально новый подход, давший начало целой серии концепций, начиная от исторической школы в Германии и кончая современными социально-институциональным и неоинституциональным направлениями.

Таким образом, изжив себя к середине XIX в, классическая научная парадигма дала импульс для развития сразу трех течений экономической мысли: историко-социологического направления, марксистской политэкономии и целого комплекса теорий, объединенных общей маржиналистской методологией. В связи с этим мы впервые сталкиваемся с примечательным явлением в развитии экономической мысли — первым признаком разделения труда среди экономистов-теоретиков. Если маржиналистская революция в экономической науке положила начало функциональному анализу рынка, то историко-социологические школы в Германии и очень близкий к ним американский институционализм вызвали к жизни теории, направленные на исследование развития системы, рассматриваемой в сложном и противоречи-

вом комплексе социальных институтов. Отныне история этих двух направлений развивалась самостоятельно, характеризуясь в то же время ограниченным взаимодействием.

Теория функционального анализа за последние 130 лет представляет собой постоянный процесс переоценки ценностей, поиска новых решений, совершенствования аналитического аппарата. В ней можно выделить несколько четко очерченных периодов.

1. Маржиналистская революция, осуществленная в 70-е годы XIX в. такими выдающимися экономистами, как У.Ст. Джевонс, К. Менгер, Ф. Визер, Е. Бем-Баверк, Л. Вальрас означала, прежде всего, решительный отказ от классической затратной теории ценности.

Во-первых, центр тяжести в экономическом анализе был перемещен с издержек и затрат на конечные результаты. Для этого было введено само понятие предельной полезности. Ценность производственных ресурсов, согласно новым представлениям, санкционировалась конечным продуктом, а не наоборот.

Во-вторых, было признано необходимым принять в качестве исходного момента для экономической теории субъективную мотивировку экономического поведения индивидов. Применительно к теории ценности это означало, что стоимость не существует вне сознания человека, она есть лишь суждение экономического человека о степени важности, имеющихся в его распоряжении благ.

В-третьих, в политэкономии был впервые привнесен принцип предельности, которому предстояло стать универсальным и выйти далеко за пределы теории полезности. Ценность, как подчеркивали экономисты, определяется субъективной предельной полезностью последней единицы имеющегося в наличии блага⁶.

Представители раннего маржинализма, обратив внимание на субъективные потребительские оценки как на решающий фактор ценности, таким образом, обратились в иную, по отношению к классикам, крайность, игнорируя роль издержек в формировании рыночной цены. Для соединения полезности и общественных издержек, создания общей теории сопоставления затрат и результатов нужна была принципиально новая методология, которая и была использована неоклассической школой.

2. Неоклассическая школа объединила таких экономистов конца XIX–начала XX вв., как А. Маршалл, Дж.Б. Кларк, Ф. Визер, К. Виксель, Ф. Эджуорт, А. Пигу.

Причисление столь самобытных теоретиков к одному направлению достаточно условно. Известны противоречия в теоретических воззрениях представителей английской и американской ветвей неоклассической школы, скажем, скептическое отношение А. Маршалла к теории предельной производительности Дж.Б. Кларка. Тем не менее, общего в идеях упомянутых экономистов было намного больше, чем различий.

Прежде всего, к концу XIX в. экономисты пришли к убеждению, что в функциональной теории нет места «абсолютным» категориям. Она должна, полагали они, анализировать экономические явления не по принципу движения от «фундаментальных» причин к «поверхностным» явлениям, а по принципу взаимозависимости и взаимного определения.

Таким образом, они отказались от старых, присущих классической школе, представлений, согласно которым теория должна раскрывать причинно-следственные, каузальные зависимости экономических явлений и пришли к убеждению, что в экономике существуют лишь «связи взаимодействия».

Во-первых, широко используемый неоклассиками принцип релятивизма позволил примирить теорию предельной полезности с классической затратной теорией ценности. В неоклассической теории издержки и полезность выступают как равноправные и независимые силы, в столкновении которых определяется точка равновесия предложения и спроса на рынке и соответственно цена, уравнивающая спрос и предложение. При этом речь шла не просто о зависимости рыночной цены сразу от двух факторов, а о том, что издержки производства, интенсивность спроса, предел производства, цена взаимно регулируют друг друга.

Во-вторых, идея взаимозависимости экономических переменных величин, предполагавшая, что различные элементы, определяющие экономическую активность, воздействуют друг на друга, позволила наполнить новым содержанием зародившееся еще в недрах классической школы представление о рынке как о саморегулирующейся системе. Автоматическое восстановление экономического равновесия в представлении неоклассиков

было связано со способностью цены уравнивать спрос и предложение. Так, возможной признавалась лишь добровольная безработица; уровень заработной платы (цены труда) должен обеспечивать равновесие между спросом и предложением на рынке труда. Точно также на рынке капиталов процентная ставка обуславливает равновесие между спросом и предложением ликвидных капиталов, т.е. между сбережениями и капиталовложениями.

Принцип взаимозависимости предполагал, что самонастраивающаяся рыночная система не содержит внутреннего импульса неравновесия. Возможность неравновесного рынка была связана, как, например, полагал один из создателей теории общего равновесия. Л. Вальрас, с действием внешних, экзогенных факторов. Но подобный дестабилизирующий эффект, вызванный факторами экзогенного порядка, как полагали неоклассики, со времени гасится рыночным механизмом самонастройки. Рынок, таким образом, выступал в представлении неоклассиков, и, как статичная система, т.е. система, имевшая тенденцию возвращаться к исходному положению, как своеобразная экономика «кругового развития».

Но, создав мощный аналитический аппарат для последующего развития функционального анализа, заложив основы микроэкономики, неоклассики, в силу отмеченной выше абстрактности и статичности их системы, стали в начале XX в., объектом ожесточенной критики со стороны экономистов, претендовавших на создание более реалистичной теории капитализма.

3. В задачу данного очерка не входит анализ достаточного широкого спектра идей, направленных на пересмотр неоклассической доктрины. На наш взгляд, для дальнейшего развития экономической науки решающее значение приобрели только три направления, рожденные в полемике с господствующей парадигмой.

Во-первых, следует отметить поразительное сходство ситуации в экономической науке в начале XX в. с тем положением, которое в свое время сложилось в середине XIX в. Тогда представители немецкой исторической школы выступили против чрезвычайно абстрактной, по их мнению, классической системы. Отказавшись от понятия «экономический закон», они про-

тивопоставили анализу закономерных явлений рынка метод описания конкретно-исторического процесса, эмпирических факторов хозяйственной жизни. В начале XX в. на этот раз в США стремление преодолеть абстрактную неоклассическую теорию равновесия продемонстрировала такая группа экономистов, как Т. Веблен, Р. Коммонс, У. Митчелл, положившая начало американскому институционализму.

Они выступили против неоклассических представлений об экономическом субъекте, руководствующемся рациональной, гедонистической психологией. Абстрактное изучение они предлагали заменить позитивными исследованиями реальных форм экономической активности, все время меняющихся и составляющих так называемые институты.

Но, пожалуй, наиболее решительную переоценку ценностей произвел выдающийся английский экономист Дж.М. Кейнс. Идеи, развиваемые Кейнсом и его последователями составляли господствующую научную парадигму с середины 30-х до 70-х годов XX в.

Так называемая кейнсианская революция в экономической науке связана с выходом в 1936 году книги Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Причины, ее обусловившие, достаточно многообразны. Государство, начиная с периода Первой мировой войны, начинает активно вмешиваться в экономику, руководствуясь не только классическими представлениями о производстве общих благ и решении проблемы внешних эффектов. Неоклассическая теория автоматического восстановления равновесия к началу 1930-х годов приходит во все большее противоречие с реальным воспроизводственным процессом. Приметой последнего все в большей степени становится состояние неравновесия, достигшее своей кульминации в драматических событиях «Великой депрессии» 1929–1933 гг.

Перед Кейнсом встали задачи: во-первых, теоретически обосновать неизбежность ситуации рыночного неравновесия и найти внутренний импульс, дестабилизирующий экономику; во-вторых, он встал перед необходимостью разработки методов внешнего, исходящего со стороны государства, воздействия на воспроизводственный процесс. Это потребовало принципиально новых общих подходов к анализу рынка.

1. Кейнс полагал, что метод частичного анализа, согласно которому теория производства, обмена, распределения рассматривалась изолированно, неправомерен. Он считал, что уровень распределяемого дохода зависит от масштабов производства, колебание цен зависит от тенденции к потреблению и от характера распределения, то есть прежде, чем явления изолировать друг от друга, нужно исследовать существующие между ними связи. Также Кейнс большое значение придавал денежным факторам, влияющим, как он думал, на уровень деловой активности и размер распределяемого дохода.

2. Кейнс положил начало разделению экономической науки на микро- и макроэкономику, уделяя последней особое внимание. Его интересовало влияние рынка как единого целого и, прежде всего, денежного обращения как важного компонента рыночных отношений, на все составляющие экономики.

3. Также он отказался от неоклассической идеи взаимозависимости экономических переменных величин и отыскал между ними отношения причинно-следственного характера. Из идеи взаимозависимости вытекает концепция автоматического восстановления экономического равновесия. Отношения каузальности, признававшиеся Кейнсом, предполагали, что одни элементы нарушенного равновесия не выравниваются сами по себе, другие, испытывая на себе постороннее влияние, сами ответно реагировать не могут.

4. Теория Кейнса скорее статична, чем динамична. Скажем, когда он дает описание факторов экономической конкуренции, его интересует лишь конечный результат этой конкуренции и оставляет равнодушным вопрос о развитии этих факторов в период своего действия. Фактически, по справедливому замечанию последующих неоконсервативных критиков, его интересует лишь результаты, достигнутые в течение короткого периода.

Сделав исходной темой своего анализа проблему занятости, уровень последней Кейнс связывал с динамикой эффективного спроса. Именно эффективный спрос, а не предложение ресурсов и изменения их относительных цен, подчеркивал он, обуславливает уровень занятости и национального дохода. Неравновесие, неполную занятость Кейнс объяснял причинами двоякого рода. С одной стороны, постоянно происходящие приросты дохода,

тем не менее, не поглощаются полностью приростом потребления. Это, согласно, Кейнсу, происходит потому, что поведение человека подчинено психологическому закону потреблять все меньше по мере увеличения дохода. Тогда и вступает в силу второй компонент эффективного спроса — уровень капиталовложений, призванный поглощать все более возрастающий объем сбережений.

Инвестиционному компоненту эффективного спроса Кейнс придавал основное значение в определении уровня национального дохода и занятости. Кейнсианские методы государственного регулирования экономики, прежде всего, направлены на увеличение уровня инвестиций через понижение нормы ссудного процента, которое, в свою очередь, может быть следствием политики умеренной инфляции. Такая политика, согласно Кейнсу, нейтрализует второе серьезное препятствие формированию эффективного спроса — психологический закон «предпочтения ликвидности». Он препятствует росту инвестиций, поскольку хозяйствующий индивид предпочитает текущую ликвидность благам будущего. Тем самым минимизируется эффект мультипликатора, и возникают дополнительные проблемы эффективного спроса.

Кейнсианские методы макроэкономического регулирования экономики, дополненные в послевоенные десятилетия концепциями экономической динамики британским некейнсианством, активно использовались в практике государственного регулирования и владели умами экономистов-теоретиков до 70-х гг. XX в. Неоконсервативная революция в последние десятилетия XX в. отодвинула кейнсианскую доктрину на задний план, во многих аспектах вернув функциональный анализ к ценностям неоклассической школы.

Как мы подчеркивали выше, для современной экономической мысли характерна множественность ее направлений. С одной стороны, выделяется группа течений, которую условно можно назвать функциональными теориями (некейнсианство и современный вариант неоклассической школы — неоконсерватизм). В настоящее время последнее направление доминирует как в теории, так и, особенно, в экономической политике. Наиболее авторитетными школами неоконсервативной ориентации являются — американский монетаризм (М. Фридмен), теория рацио-

нальных ожиданий (Р. Лукас), теория предложения (А. Лаффер). Представители этого направления выступают за ограничение государственного вмешательства в экономику, максимальное использование рыночных регуляторов. Отрицая роль эффективного спроса в обеспечении экономической динамики, они обосновывают решающую роль предложения, как фактора роста.

Вторую группу направлений западной экономической науки объединяет институциональный и неинституциональный метод. Такие экономисты как Дж.К. Гэлбрейт, Р. Хейлброннер, Д. Белл, исследуя процесс трансформации капитализма, приходят к выводу, что развитие современных социальных институтов ведет к перерастанию современного общества в постиндустриальное общество. Характеристики такого индустриального и постиндустриального общества, обусловленные высоким уровнем технологии, эволюцией корпораций, особой ролью так называемой технотрактуры, явно не тождественны характеристикам экономики периода классического рынка.

Уже столь беглое знакомство с историей развития экономической мысли позволяет выявить следующие ее особенности.

Во-первых, отмеченная выше дискретность развития экономической науки не отрицает факта филиации идей, хотя и придает ей несколько ограниченный характер. Приобретающая влияние научная парадигма обычно имеет тенденцию отрицать предшествующую, развиваться, отталкиваясь от, казалось бы, отживших себя старых идей. Но тем самым она вынуждена часто опираться на идеи, отвергнутые предыдущей доктриной. Так, Дж.М. Кейнс был далеко не оригинален, учитывая воздействие денежных факторов на параметры экономики макроэкономического порядка. Отрицая классическую (неоклассическую) школу, он, что вполне естественно, обратился к опыту ее предшественника — меркантилизма. Точно так же, развивая теорию эффективного спроса, Кейнс использовал концепцию «третьих лиц» Т.Р. Мальтуса, явно не вписывающуюся в классическую систему. Если представители раннего меркантилизма (У.Ст. Джевонс, К. Менгер, Е. Бем-Баверк) считали затратную теорию ценности классиков верхом невежества, то более поздний А. Маршалл включил затратный подход в свою функциональную теорию ценности. Наконец, ярким примером специфичной для эконо-

мической науки филиации идей является посткейнсианское возрождение неоклассической школы, дополненной, правда, макроэкономическим подходом и получившей новое наименование — неоконсерватизм.

Во-вторых, в развитии экономической науки мы можем проследить тенденцию к специализации, углублению разделения труда. Если на ранних этапах истории экономической мысли различия в интерпретации экономических явлений были обусловленными национальными особенностями, то впоследствии они приобретают функциональный характер.

Уже в идеях Мальтуса и Сисмонди мы видим попытку анализа ситуации неравновесия, что уже выходило за рамки предмета классической политэкономии. Первыми признаками тенденции к разделению труда можно считать появление альтернативной классикам исторической школы в Германии, а также американского институционализма.

В настоящее время олицетворением такого разделения труда является сосуществование неокейнсианства и неоконсерватизма, с одной стороны, и социально-институционального и неинституционального направления, с другой, а также микро- и макроэкономики, анализа в кратко-, средне- и долгосрочном периодах.

В-третьих, в многовековой истории экономической теории можно обнаружить подтверждение гипотезы о законе периферийного прогресса, выдвинутой Р.М. Гусейновым в ряде публикаций⁷. Согласно наблюдениям этого экономиста, подогрев, энергетическое впрыскивание в старые загнивающие экономические системы приходили из внешней среды, с окраин локальных систем, где формировались вначале «слабые звенья», а потом — центры новых цивилизаций, захватывающих в орбиту своего влияния бывшие доминирующие центры⁸.

Как теоретическая аргументация, так и обширный фактический материал, приводимый автором в подтверждение своей гипотезы, кажутся нам убедительными. Но не является ли данная гипотеза более универсальной, позволяющей выявить логику развития не только мировой экономики в прошлом, но и истории экономической мысли?

На наш взгляд, применимость закона периферийного прогресса к истории экономической мысли объясняется теснейшей

связью экономической мысли с процессами, происходящими в реальной экономике. Именно на периферии, где зарождались новые формы хозяйственных отношений, чаще всего пробивали дорогу новые перспективные концепции. Но закон периферийного прогресса получил особое преломление в истории экономической науки. Мы имеем в виду особое значение для развития экономической мысли такого фактора, стимулирующего периферийный прорыв, как чрезвычайное упорство и инерционность политической и идеологической надстройки⁹. Сбросить груз господствующей доктрины, стереотипов экономического мышления легче на относительно слабой периферии.

Действительно, первые ростки классической политэкономии зародились в XVII в. в периферийной для континентальной Европы Англии. Немецкая историческая школа — это периферийный ответ на британо-французское экономическое и идеологическое лидерство. Маржиналистская революция была осуществлена известными экономистами — отнюдь не представителями ведущих стран последней трети XIX в. И, наконец, кейнсианство зародилось в стране, потерявшей к тому времени экономическое лидерство и становящейся периферией США.

В-четвертых, следует отметить важную роль внешнеэкономического фактора в развитии экономической мысли. И дело здесь не только в извечной дихотомии протекционизма и фритредерства, обоснованию которых было посвящено немало трудов. На наш взгляд, влияние международных экономических отношений на экономическую теорию было намного глубже, порой провоцируя возникновение новых теоретических систем и являясь импульсом к смене научных парадигм.

В эпоху античности и средневековья рыночные отношения проявляли себя, главным образом, в сфере международной торговли. XV–XVII вв. — это уникальная эпоха, когда рыночные отношения начинают развиваться в Западной Европе на базовом уровне частных хозяйств, формируя национальные рынки, при относительно слабом развитии международного обмена в рамках европейского мира-экономики. Но впоследствии эпоха господства меркантилизма в передовых странах Европы завершается, поскольку наступает осознание ограниченности европейских национальных рынков, необходимости специализаций в рамках

континентального или даже общемирового международного разделения труда.

Именно данное обстоятельство придало большую универсальность английской классической школе политэкономии, которая впервые выдвинула лозунг свободного саморегулирующегося рынка, как на национальном, так и международном уровнях.

Ярким примером формирования новой экономической доктрины под воздействием экзогенных экономических сил является целая система школ немецкой политэкономии. Известным примером апелляции к внешним рынкам как к фактору сохранения докапиталистических отношений в России являются экономические идеи русских народников.

Аналогичным образом развивались события и в XX в. Разрушительные последствия Великой депрессии, крах международной валютной системы, резкое сокращение объемов торговых и инвестиционных связей между странами усилили роль национальных факторов роста вплоть до государственного регулирования экономики. Кейнсианская модель макроэкономического регулирования не предполагает внешних воздействий и ориентирована на активизацию внутреннего потенциала с целью обеспечения эффективного спроса. Кейнсианская экономическая политика проявила высокую эффективность в условиях относительной замкнутости национальных хозяйств в первые десятилетия своего господства. Но уже на излете второй волны глобализации (70-е гг. XX в.) интернационализация хозяйственной жизни, нарастание объемов международной торговли и движения капитала пришли в противоречие с кейнсианской системой. Постепенная потеря государством рычагов макроэкономического регулирования ускорила закат кейнсианства и победу неоконсерватизма.

Отмеченное выше наталкивает на мысль о возможности ренессанса кейнсианства в будущем. На такую возможность указывает Р.М. Гусейнов — автор, на наш взгляд, лучшего в настоящее время пособия по истории мировой экономики¹⁰. Формирование мировых производительных сил, общемирового рынка факторов производства, становление институтов наднационального регулирования могут возродить интерес к кейнсианской системе, но уже как к теоретической основе мирового макроэкономического регулирования.

Наконец, внимательный исследователь истории экономической мысли заметит любопытное явление, заключающееся в постепенном сокращении исторического срока жизни господствующей доктрины по мере приближения к современной эпохе. Возможно, это является косвенным отражением эффекта ускорения темпов исторического развития. Так называемый «допарадигмальный» период развития экономической мысли длился несколько тысячелетий. Меркантилизм господствовал около трехсот лет. Но уже классическая школа просуществовала чуть более ста лет. Если включить в эпоху доминирования неоклассической школы период раннего маржинализма, то ее продолжительность составит всего 60 лет (70-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в.). Наконец, кейнсианство господствовало в экономической науке около трех десятилетий.

Понимание последнего обстоятельства позволяет особенно остро почувствовать относительность наших современных знаний, дает дополнительный теоретический творческий импульс при изучении экономической теории, где нет абсолютных, закостеневших истин и всегда есть возможность осмысливать новые грани экономики, постоянно возникающие в процессе хозяйственной жизни.

Примечания

¹ Шумпетер Й.А. История экономического анализа: в 3-х т. / пер с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001. Т. 1. С. 5.

² Там же. С. 64.

³ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1992. С. 396.

⁴ Различные авторы, касаясь феномена классической школы по-разному трактуют ее хронологические рамки. Очевидно, что эти разночтения вытекают из особенностей их собственных концепций. Так, Дж.М. Кейнс единственным признаком классической школы считал идею возможности равновесного, саморегулирующегося рынка и вытекающую из этого посылку политику экономического либерализма. Проблема ценности, входящая в компетенцию микроэкономики, его интересовала мало. Поэтому эпоха господства классической доктрины протянулась у него с середины XVIII в. вплоть до начала 30-х годов (Кейнс Дж.М. Указ. соч. С. 137). Напротив, К. Маркс, по идеологическим соображениям, был очень пристрастен к теории ценности (стоимости), считая признаком принадлежности

к классической школе наличие элементов трудовой теории стоимости. История классической школы, поэтому, продолжалась у него с последней трети XVII в. до начала XIX в. Отказ от трудовой теории стоимости Т.Р. Мальтуса, Ж.Б. Сэя, Дж. Милля, Дж.Р. Мак-Куллоха, У.Н. Сениора означал для него конец классической школы и возникновение вульгарной буржуазной политэкономии. (Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. I, II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Кн. 1, 2). Й.А. Шумпетер возникновение классической системы датировал концом XVIII в., включая в нее школу Рикардо, ее противников, построения Дж.С. Милля и даже экономическую теорию К. Маркса (Шумпетер Й.А. История экономического анализа... Т. 2. С. 497–499). Наконец, Б. Селигмен, институционалистские пристрастия которого известны, связывал конец безраздельного господства классической школы с возникновением в середине XIX в. исторической школы в Германии. (Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 23).

⁵ Такое пренебрежение субъективной стороной экономических явлений не носило абсолютного характера. Так, начиная с А. Смита, экономисты признают абстрактную модель «экономического человека», преследующего цель максимизации прибыли. Попытка встроить субъективно-психологическое объяснение доходов в классическую модель принадлежит У.Н. Сениору (теория воздержания).

⁶ Брагинский С. В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М., 1991. С. 75.

⁷ Гусейнов Р.М. Закон периферийного прогресса: гипотеза // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2. С. 81–88; Гусейнов Р. История мировой экономики: Запад–Восток–Россия: учеб. пособие. Новосибирск, 2004. С. 52–58.

⁸ Гусейнов Р.М. Закон периферийного прогресса... С. 85.

⁹ Там же. С. 85–86.

¹⁰ Гусейнов Р. История мировой экономики... С. 333.